

Профессия мигрант: как опыт пространственной мобильности определяет намерения на переезд?

Михаил Олегович Балабан
(mbalaban@hse.ru), Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики», Россия.

Полина Алексеевна Корж
(pkorzh4711@mail.ru), Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики», Россия.

Ольга Алексеевна Родина
(oliarodina62@gmail.com), Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики», Россия.

Екатерина Александровна Шарепина
(eaandreeva@hse.ru), Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики», Россия.

Migration as a profession: How does experience of spatial mobility shape migration intentions?

Mikhail Balaban
(mbalaban@hse.ru),
HSE University, Russia.

Polina Korzh
(pkorzh4711@mail.ru),
HSE University, Russia.

Olga Rodina
(oliarodina62@gmail.com),
HSE University, Russia.

Ekaterina Sharepina
(eaandreeva@hse.ru),
HSE University, Russia.

Резюме: Статья посвящена анализу взаимосвязи миграционной активности и миграционных намерений жителей российских городов и является продолжением более раннего исследования, в фокусе которого находились социально-демографические характеристики респондентов и особенности населённых пунктов их проживания как возможные факторы миграционных намерений. Миграционная активность рассматривается как совокупность опыта постоянной миграции в течение жизни индивида и различных форм текущей пространственной мобильности, включая участие во временной трудовой (вахтовой) миграции и текущие поездки внутри и за пределы региона проживания.

В исследовании использованы данные уличного опроса 8,2 тыс. жителей 27 населённых пунктов (в основном малых и средних городов) в 13 регионах России. Для поиска статистических связей использовано регрессионное моделирование. Взаимное влияние возможных предикторов миграционных намерений оценивали с применением моделей с переменными взаимодействия.

Установлено, что прошлые переезды значительно повышают шансы иметь намерения к дальнейшей миграции, особенно у возвратных мигрантов и давних переселенцев, тогда как недавние мигранты демонстрируют меньшую готовность к новым перемещениям. Значимым фактором является временная трудовая миграция: наиболее выраженные намерения на переезд фиксируются не у самих вахтовиков, а у членов их семей; при этом конкретное направление вахтовых поездок не находится в значимой связи с миграционными намерениями. Регулярные поездки за пределы региона, особенно с туристическими целями, сопряжены с большей выраженностью миграционных намерений, в то время как визиты к родственникам, напротив, связаны с пониженными намерениями переехать. Использование моделей с переменными взаимодействия указывает, что некоторые формы миграционной активности (миграционный опыт и пространственная мобильность) усиливают эффект друг друга.

Полученные результаты подтверждают выводы других исследователей о неоднозначности связи между пространственной мобильностью и миграционными намерениями. В интерпретации результатов должна приниматься во внимание специфика выборки, в которой преобладают малые и средние города и почти не встречаются крупные.

Ключевые слова: миграционные намерения, пространственная мобильность, вахта, миграционный опыт, уличный опрос, внутренняя миграция, Россия.

Благодарности: Авторы выражают благодарность Лилии Борисовне Карачуриной и Никите Владимировичу Мкртчяну за организацию исследовательских экспедиций, без которых бы это исследование не было возможно, поддержку в реализации исследования и работе проектной группы;

участникам экспедиций (2018–2024 гг.) по изучению миграционного поведения за сбор данных анкетных опросов; другим студентам НИУ ВШЭ за помощь в обработке и объединении данных.

Финансирование: Исследование реализовано при поддержке Факультета социальных наук Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики".

Для цитирования: Балабан М.О., Корж П.А., Родина О.А., & Шарепина Е.А. (2026). Профессия мигрант: как опыт пространственной мобильности определяет намерения на переезд?. Демографическое обозрение, 13(1), 102-130. <https://doi.org/10.17323/demreview.v13i1.33720>

Abstract: This article examines the relationship between migration activity and migration intentions among Russian city residents. It is a follow-up to an earlier study that focused on the socio-demographic characteristics of respondents and the characteristics of their places of residence as possible factors influencing migration intentions. Migration activity is considered as the combination of an individual's lifetime experience of permanent migration and various forms of spatial mobility, including participation in temporary labor migration and current trips within and outside the region of residence.

The study uses data from a street survey of 8,200 residents of 27 cities (mainly small and medium-sized) in 13 regions of Russia. Regression models were used to identify statistical dependence. The mutual influence of possible predictors of migration intentions was assessed using models with interaction variables.

It was found that past migration significantly increases the likelihood of further migration intentions, especially among return migrants and migrants who have been living there for a long time, while newcomers show less willingness to move again. Temporary labor migration is a significant factor: the most evident intentions to move are observed not among long-distance commuters themselves, but among their family members; at the same time, the specific destination of mobile workers' trips is not significantly related to migration intentions. Regular trips outside the region, especially for tourism purposes, are associated with stronger migration aspirations, while visits to relatives, by contrast, are associated with a lower desire to move. The use of models with interaction variables indicates that some forms of migration activity can supplement each other's effects.

The results obtained confirm the findings of other studies regarding the ambiguous relationship between spatial mobility and migration intentions. The specific characteristics of the survey sample, which is dominated by small and medium-sized cities, with large cities largely unrepresented, should be considered.

Keywords: migration intentions, spatial mobility, FIFO, migration experience, street survey, internal migration, Russia.

Acknowledgments: The authors express their gratitude to Lilia Borisovna Karachurina and Nikita Vladimirovich Mkrtychyan for organizing research expeditions, without which this study would not have been possible, for their support in implementing the study and the work of the project group; to the participants of the expeditions (2018–2024) studying migration behavior for collecting questionnaire data; and to other HSE students for assistance in processing and combining the data.

Funding: The study was carried out with the support of the Faculty of Social Sciences of the HSE University.

For citation: Balaban M., Korzh P., Rodina O., & Sharepina E. (2026). Migration as a profession: How does experience of spatial mobility shape migration intentions?. Demographic Review, 13(1), 102-130. <https://doi.org/10.17323/demreview.v13i1.33720>

Введение

Настоящая статья является продолжением исследования, посвящённого анализу факторов, определяющих миграционные намерения населения. В предыдущей статье (Балабан и др. 2024) было осуществлено концептуальное разграничение между миграционными желаниями, намерениями и планами, предложено рабочее определение миграционных намерений, а также выделены и проанализированы факторы, определяющие миграционные намерения как на индивидуальном (микро-), так и на контекстуальном (макро-) уровне. В частности, было выявлено, что на микроуровне намерения к переезду чаще встречаются у более молодых респондентов, у женщин чаще, чем у мужчин; выше шансы хотеть переехать у незанятых, не состоящих в браке, на макроуровне выше миграционные намерения у проживающих в городах среднего размера, более экономически обеспеченных, характеризующихся более низким качеством городской среды, расположенных на периферии региона. Связь миграционной активности и намерений к переезду осталась вне фокуса и анализируется в рамках данной статьи.

Несмотря на интерес к данной тематике, проблематика миграционных намерений в российском научном поле по-прежнему остаётся недостаточно разработанной. Даже в тех немногих эмпирических исследованиях, где поднимается вопрос о намерениях к переезду, аналитический акцент, как правило, делается на социально-демографических признаках (возраст, пол, уровень образования, материальное положение) в рамках рассмотрения различий между регионами (Карачурина, Мкртчян 2008; Martin 2014), миграционных намерений жителей отдельного региона (Скрипник 2010; Кутовая 2014; Макарова 2023) или представителей отдельной возрастной группы, чаще молодёжи (Флоринская, Рощина 2005; Осипова, Маклашова 2016; Карачурина, Флоринская 2019).

Между тем современные социологические и демографические подходы, в том числе теория жизненного пути, подчёркивают важность взаимосвязанности жизненных событий (Elder, Johnson, Crosnoe 2003; Billari, Liefbroer 2010). Согласно этому подходу, решения и установки индивидов, включая миграционные, формируются в контексте их предшествующего жизненного и, в частности, миграционного опыта (Elder, Johnson, Crosnoe 2003; Horowitz, Entwisle 2021). Исходя из этого, расширение понимания факторов, определяющих наличие или отсутствие миграционных намерений, предполагает необходимость включения в анализ переменных, связанных с миграционной активностью – как предыдущим миграционным опытом, так и текущей мобильностью. Данный подход позволяет рассматривать миграционные намерения не только как реакцию на текущие условия, но и как результат накопленного опыта мобильности, включённого в индивидуальную биографию.

Зарубежные исследования на протяжении последних десятилетий обращаются к анализу взаимосвязи миграционных намерений и событий жизненного пути, т. е. месту в них миграционных событий (Kley 2011; Dommermuth, Klüsener 2019; Bernard, Kalemba, Nguyen 2022). Российские исследователи вплоть до последнего времени были почти полностью лишены такой возможности, так как не обладали соответствующими данными (вопросы о миграционных намерениях не включены в существующие ключевые опросы Росстата и другие крупные социологические опросы: РМЭЗ НИУ ВШЭ, ESS, WWS и др.). Взаимосвязь миграционных намерений и миграционного опыта изучалась в рамках большого проекта по изучению миграционной активности на основе данных опроса жителей 10 крупных городов России (Карачурина, Мкртчян 2008) (как один из сюжетов),

при анализе миграционных намерений жителей Калининградской области (Лялина, Волошенко 2024) и миграционных намерений на переезд в Москву (Карачурина, Мкртчян 2024), а также как фактор миграционных намерений молодежи с разным опытом международной миграции на основе опроса в социальной сети Вконтакте (Рочева, Варшавер 2020).

Цель данной статьи – проанализировать миграционную активность респондентов как потенциальный предиктор формирования намерений к переезду. Наш исследовательский вопрос заключается в предположении, что предыдущий миграционный опыт (свой и членов семьи), разные виды текущей мобильности (включая туристические поездки) формируют миграционную активность и тем самым влияют на миграционные намерения людей. Новизна исследования заключается в объединении разных форм миграционного опыта и текущей мобильности в одну аналитическую модель. В рамках этой статьи мы стремимся прояснить, какие именно формы мобильности имеют наибольшее значение в процессе принятия решений о возможной миграции разных социально-демографических групп.

Концептуальная рамка исследования

В научной литературе меры миграционной подвижности для определения совокупного миграционного опыта и текущей вовлечённости в поездки и временную миграцию населения обозначаются различными терминами: *миграционная активность*, *подвижность*, *мобильность*¹ населения. В настоящем исследовании, согласно подходу Зайончковской и Ноздриной (2008), Карачуриной и Мкртчяна (2008) и других авторов, используется термин *миграционная активность*, включающий две составляющие. Первая – накопленный опыт миграций (Зайончковская, Ноздрин 2008), также обозначаемый как *миграционный капитал*, *бэкграунд* или *биография*. Вторая – *текущая пространственная мобильность*², охватывающая поездки к родственникам, на дачу, туризм, маятниковую и временную трудовую миграцию. Как отмечают Лялина и Волошенко (2024: 173), указанные термины – «миграционная подвижность (или миграционная мобильность, миграционная активность, миграционный опыт населения, миграционная биография)» – нередко употребляются как синонимы. В рамках данного исследования миграционная активность рассматривается как состоящая из двух компонентов: накопленного миграционного опыта и текущего участия в различных формах пространственной мобильности (рисунок 1).

¹ В данном контексте термин *мобильность* используется как мера подвижности и отражает интенсивность миграционных перемещений; он сочетается с качественными характеристиками и допускает градации, например, *высокая мобильность* – частые перемещения, *низкая мобильность* – редкие.

² В данном случае термин *пространственная мобильность* используется для обозначения миграции в широком смысле, т. е. перемещения (переселения) людей между отдельными территориями и поселениями.

Рисунок 1. Концептуальная схема исследования

Источник: Составлено авторами.

В ряде исследований миграционная активность рассматривается на макроуровне через частоту миграционных перемещений, фиксируемых официальной статистикой (Мкртчян 2003; Абылкаликов 2015). Отдельные исследования рассматривают её через опросные индивидуальные данные (Зайончковская, Ноздрин 2008; Карачурина, Мкртчян 2008; Лялина, Волощенко 2024). К оценке миграционной активности применяются разные индикаторы: анализ места рождения и доли неместных уроженцев (Карачурина, Мкртчян 2008; Абылкаликов 2015), частоты переездов (Зайончковская, Ноздрин 2008), длительности проживания и приживаемости (доля старожилов среди всех мигрантов в населённом пункте) (Абылкаликов 2015), вовлечённости во временные трудовые поездки, сезонные, эпизодические поездки, в том числе трудовые и учебные (Карачурина, Мкртчян 2008). Существуют также работы, оценивающие различия в миграционной активности россиян в разных поколениях: было выявлено, что младшие когорты все реже переезжают (если среди поколения 1950-х гг. рождения к 25 годам примерно 60% совершили первый переезд, среди поколения середины 1980-х – таких только 30%) (Захаров, Сурков 2009). Факторы, определяющие миграционную активность, схожи с факторами, определяющими намерения на переезд: миграционная активность выше среди молодых респондентов (особенно в возрасте до 30 лет), лиц с высшим образованием, неудовлетворённых своей занятостью, а также у тех, кто уже имел опыт временной трудовой мобильности (Карачурина, Мкртчян 2008). При этом макрофакторы, такие как экономическое неравенство между регионами, локальный рынок труда, возможности получения образования, также оказывают влияние, хотя в современной России их эффект проявляется менее стабильно, чем в странах с более высокой миграционной активностью (Карачурина, Мкртчян 2008).

Далее рассмотрим наработки исследований, анализирующих связь составляющих миграционной активности и миграционных намерений.

Обзор исследований связи миграционных намерений и миграционной активности

Влияние накопленного опыта постоянной миграции на формирование будущих миграционных намерений рассматривается с позиций теории «миграционного капитала» (De Jong 2020; Cairns 2022) или «выученного поведения» ('a learned behaviour') (Morrison 1971; Bailey 1989). В ходе миграции люди развивают навыки преодоления административных, логистических сложностей, связанных с изменениями места жительства, улучшают социальные навыки, что позволяет им входить в новые социальные круги. Всё это снижает воспринимаемые издержки и риски будущей миграции по сравнению с никогда не переезжавшими людьми.

Одни исследователи находят подтверждение тому, что влияние прошлой миграции кумулятивно и линейно (Bernard 2022), другие же полагают, что накопленный миграционный опыт также позволяет принять более взвешенное решение об отказе от миграции (Moret 2020). Также обсуждается, что большое число переездов может быть свидетельством отрицательной селекции: те мигранты, которые получили большую выгоду от первой миграции, в последующих не участвуют (Becker 1964; Greenwood et al. 1991).

Если говорить о временной трудовой миграции, то в исследованиях рассматриваются несколько ее видов. Маятниковая миграция предполагает регулярные, как правило, ежедневные поездки на работу с возвращением домой (Афонин 2012). Вахтовая миграция связана с длительным проживанием по месту работы и эпизодическим возвращением в место постоянного проживания (Туракаев, Баймурзина 2022). При этом обе формы представляют собой адаптационные стратегии, не предполагающие немедленного переезда, а отношение этих форм мобильности к миграционным намерениям неоднозначно. Мы выделили два подхода к оценке связи между вахтой и стремлением к переезду.

Так, в рамках *экономического подхода* вахта рассматривается как этап, предшествующий переезду: временная трудовая миграция возникает из-за низких доходов и безработицы в регионе проживания и способствует адаптации в месте вахтовой работы. Исследования показывают, что люди с вахтовым опытом чаще выражают готовность к переезду (Мкртчян, Флоринская 2019; Туракаев 2021). Однако даже при наличии устойчивого заработка высокая стоимость жилья в новом месте препятствует миграции (Нефёдова 2018; Бажутова 2022).

Альтернативный *психологический подход* подчеркивает, что вахта необязательно ведет к переезду. Препятствием становится не столько невозможность миграции, сколько её нежелание. Авторы монографии «Отходники» (Плюснин и др. 2013), посвящённой современной вахтовой миграции в России, указывают, что даже при наличии возможности уехать трудовые мигранты считают, что «лучше быть первым в деревне, чем вторым в городе», не желают терять статус «местного» и сопряжённые с ним привилегии, имеют психологические установки на жизнь в данном населённом пункте (НП) и подчеркивают укоренённость вахтового стиля жизни в сознании. Однако при утрате семейных и социальных связей миграционные барьеры могут ослабевать.

Интересно, что маятниковая миграция (коммьютинг) также рассматривается как фактор, снижающий информационные барьеры и способствующий принятию решения о переезде (Shuai 2012). Исследования Новотны (Nowotny 2014) подтверждает,

что склонность к риску и предпочтения по временным затратам играют роль в выборе между коммьютингом, миграцией и оседлостью. При этом маятниковые поездки чаще дополняют внутригородскую мобильность, но при увеличении расстояния могут трансформироваться в миграцию (de Castro Lameira, Golgher 2022).

Мягкие формы мобильности, такие как туризм, посещение друзей и родственников (Visiting Friends & Relatives — VFR) и владение вторым домом (Second Housing — SH), тоже рассматриваются не только как следствия миграции, но и как факторы, стимулирующие миграционные намерения (Ferrari 2022; King et al. 2013). Феррари (Ferrari 2022) выстраивает концептуальную рамку, в которой мобильность второго дома и VFR-поездки создают эмоциональную привязанность к месту, выступая посредниками между туризмом и миграцией. Кинг и соавторы (King et al. 2013), анализируя VFR-поведение мигрантов в Великобритании, показывают, что визиты родственников поддерживают международную идентичность и могут стимулировать постоянную миграцию.

Таким образом, в исследованиях повторяются схожие сюжеты: временная мобильность сдерживает миграцию, позволяя обходить издержки переезда, но накопленный опыт может способствовать переезду при изменении обстоятельств (Aroca, Atienza 2011; McKenzie, McKenzie, Hoath 2014; Davies, Hoath 2016). Выбор между вахтой, коммьютингом или миграцией определяется балансом выталкивающих (экономические трудности, такие как низкие зарплаты или безработица) и удерживающих (привязанность к семье, дороговизна переезда) факторов, который может быть нарушен при изменении обстоятельств, например распаде семьи или накоплении средств (McKenzie 2010). Для поиска связи между миграционной активностью и желанием переехать важен учёт форм миграционной активности, социально-демографических характеристик, жизненной ситуации и установок людей относительно миграции.

Данные и методы

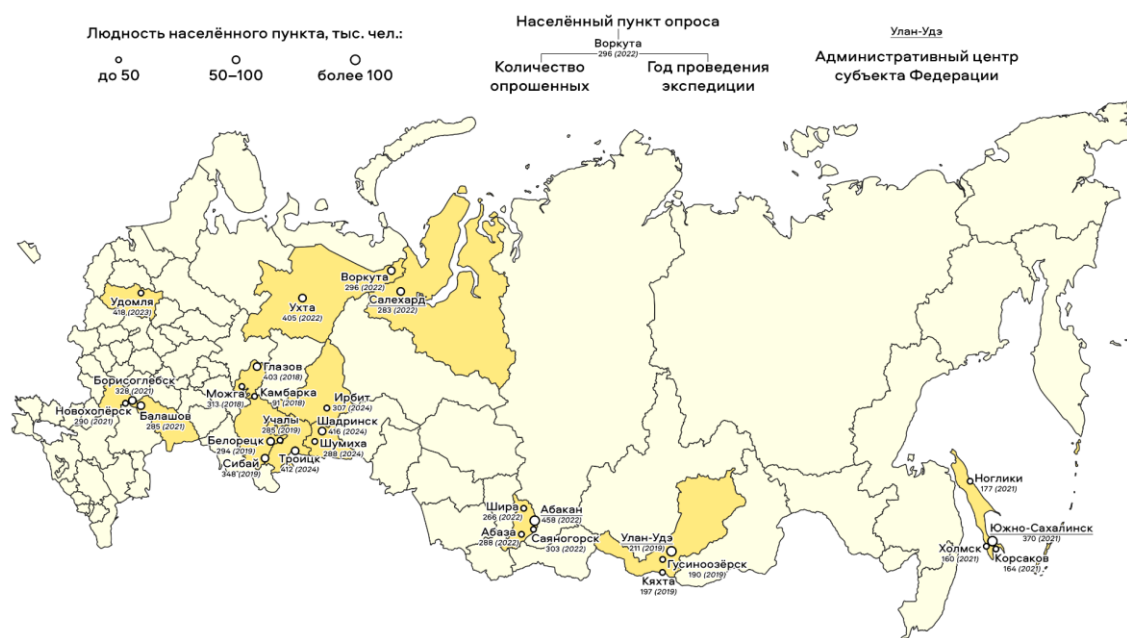
Анализ строили на основе данных уличных стихийных анкетных опросов населения, проведённых в рамках девяти экспедиционных выездов НИУ ВШЭ в 2018-2024 гг. В итоговую выборку вошли 8232 жителя 27 населённых пунктов из 13 регионов России. Распределение населённых пунктов опроса, год опроса, а также число опрошенных в каждом населённом пункте представлено на рисунке 2. Выборка неслучайная стихийная квотная (доверительный интервал 95%) собрана в соответствии с половозрастной структурой населения муниципального образования, в котором проходил опрос, в возрастах 15-64 года (по пятилетним возрастным группам). Фиксирование отказов в рамках опроса не осуществляли. Большая команда интервьюеров (около 10 студентов в каждой экспедиции) с разными стратегиями рекрутинга и опроса, инструктаж до полевого этапа и методические обсуждения во время экспедиции, заполнение половозрастных квот³, опрос в разное время суток (утром, днем, вечером), а также распределение интервьюеров по разным районам населённого пункта и местам опроса позволяет говорить о включении в итоговую базу населения с разными установками и характеристиками. Ключевые вопросы имеют низкий процент пропусков (меньше 3% от

³ До 2022 г. квоты контролировали путем вечернего подсчета заполненных анкет и выработки задания на следующий день. После 2022 г. — путем обновления распределения требуемой выборки после каждого опрошенного в мессенджере Telegram.

общей выборки), кроме переменной образования (10,1%) и брачного статуса (10,3%) (таблица П1 Приложения). Такой большой процент пропусков в этих переменных связан с отсутствием вопросов об этих характеристиках в рамках первой экспедиции в Удмуртию.

Такой характер выборки предполагает нерепрезентативность итоговых данных и ограниченные возможности перенесения результатов на генеральную совокупность. При этом цель исследования связана с анализом миграционного опыта как предиктора возникновения намерений на переезд, что предполагает анализ взаимосвязи внутри характеристик отдельного респондента, а не оценку распространённости и долей во всем населении. Качество полученных данных также подтверждает небольшое отклонение образовательной и брачной структуры в выборке по сравнению со всем населением анализируемых населённых пунктов (Балабан и др. 2024). Подробнее про выборку населённых пунктов и регионов, процесс сбора данных, содержание анкеты, оценку и обсуждение их качества см. в предыдущей работе (Балабан и др. 2024).

Рисунок 1. Населённые пункты опроса и характеристики выборки в них

Источник: Данные опроса, База данных показателей муниципальных образований (БДПМО) Росстата.

При анализе связи миграционной активности и намерений к переезду были построены модели бинарных логистических регрессий для учёта вклада микро- и макрофакторов, т. е. переменных, характеризующих социально-демографические характеристики респондентов и характеристики населённых пунктов соответственно.

Выбор логистической регрессии обусловлен тем, что именно она широко используется в исследованиях миграционных намерений на основе опросных данных (Aslany et al. 2021). Сохранение этого метода анализа данных обеспечивает сопоставимость полученных результатов с предыдущей публикацией по данной тематике (Балабан и др. 2024).

Центральной переменной анализа является дихотомическая переменная, отражающая миграционные намерения в широком смысле⁴ – наличие у индивида желания или сформированных планов переезда из одного населённого пункта в другой. Основана она на ответе на вопрос: «Хотели бы Вы уехать из этого населённого пункта?».

Возможности анализа в рамках исследования ограничиваются доступными индикаторами. Для анализа миграционного опыта использованы показатели пожизненной миграции (ответ на вопрос «Родились ли Вы здесь?») и опыта миграции за последние 10 лет (фиксируются три последних переезда). Интервьюерами вносилась информация о 3-х последних переездах, вне зависимости от обстоятельств и причин предыдущей миграции – поэтому часть зафиксированных перемещений может быть вызвана не желанием респондента, а внешними обстоятельствами (служба в армии, тюремное заключение, переезд с родителями (для детей), перемещение семей военнослужащих на новое место работы и др.). Это обусловлено, во-первых, тем, что в отношении предыдущего опыта миграции нам важен сам факт его совершения, а не причины, его вызвавшие, и во-вторых, сложностью сбора дополнительной информации о каждом перемещении в полевых условиях.

Как показатели текущей миграционной активности рассматривали временную трудовую миграцию самого респондента и членов его семьи, маятниковую миграцию, поездки с целью туризма и посещение родственников. Распределение наблюдений по переменным, доли пропущенных значений представлены в таблице П1 Приложения.

В рамках регрессионного анализа сначала были построены отдельные модели для более подробного изучения вклада миграционного опыта, включённости респондента и членов его семьи во временную трудовую миграцию, текущей пространственной мобильности в формирование миграционных намерений. В итоговую модель были включены все индикаторы миграционной активности. Кроме того, были построены модели с переменными взаимодействия между показателями текущей миграции и миграционного опыта: пожизненной миграцией и мобильностью, пожизненной и вахтовой миграцией, миграцией за последние 10 лет и мобильностью.

Для оценки качества моделей использовали показатель доли верно предсказанных значений (порог классификации был установлен на уровне 0,5; при вероятности $\geq 0,5$ наблюдение относилось к классу 1), а также ROC-кривая и AUC. Все модели оказались значимыми, а значения AUC – удовлетворительными. Сравнение качества моделей следует интерпретировать с осторожностью, поскольку число наблюдений варьируется из-за пропусков в дополнительных переменных.

⁴ Подробнее про разграничение разных значений миграционных намерений и способов их измерения см. в (Балабан и др. 2024: 138–139).

Намерения на переезд и опыт пространственной мобильности: результаты анализа

Опыт постоянной миграции

Больше половины опрошенных (54,6%) родились в месте опроса, 23,2% имели опыт изменения постоянного места жительства за последние 10 лет. Для более подробного изучения миграционных стратегий на индивидуальном уровне мы разделили родившихся за пределами населённого пункта опроса на: 1) родившихся внутри региона опроса; 2) родившихся в других регионах России; 3) родившихся за пределами Российской Федерации (таблица 1).

На пересечении переменных рождения в месте опроса и факта переезда за последние 10 лет была построена переменная типов опыта постоянной миграции: «немигранты» – родившиеся в месте опроса и не переезжавшие за последние 10 лет, «возвратные недавние мигранты» – родившиеся в месте опроса, но переезжавшие за последние 10 лет, «давние мигранты» – родившиеся в другом месте, но приехавшие в место опроса больше, чем 10 лет назад, и «недавние мигранты» – родившиеся в другом месте и переехавшие в место опроса за последние 10 лет. К сожалению, опрос позволяет выявить не всех возвратных мигрантов: те люди, которые родились в месте опроса, уезжали и вернулись, но сделали это более 10 лет назад, в нашей классификации попадают в категорию «немигрантов». Распределение респондентов по группам представлено в таблице 1.

Таблица 1. Распределение опрошенных по типам постоянной миграции

Тип пожизненной миграции по направлению	Число указавших	Доля, %	Тип миграции по месту рождения и давности переезда	Число указавших	Доля, %
Немигрант	4495	54,6	Немигрант	3716	45,14
Внутрирегиональный мигрант	1475	17,92	Возвратный мигрант (недавний)	779	9,46
Мигрант из другого региона	1671	20,3	Давний мигрант	2602	31,61
Международный мигрант	591	7,18	Недавний мигрант	1133	13,76
Всего				8232	

Источник данных: Данные опроса.

Для оценки влияния накопленного миграционного опыта на наличие миграционных намерений при контроле других переменных мы построили две модели бинарной логистической регрессии (таблица 2). В первой модели учитывали классификацию пожизненной миграции: родился ли респондент в данном населённом пункте, является ли он внутрирегиональным мигрантом, мигрантом из другого региона или международным мигрантом. Дополнительно был включен показатель переездов за последние 10 лет.

Во второй модели вместо направлений пожизненной миграции учитывали типологию по опыту постоянной миграции, а также контролировали долю родившихся в населённом пункте и переезжавших за последние 10 лет на макроуровне.

Средние предельные эффекты для независимых переменных представлены в таблице П2 Приложения.

Таблица 2. Результаты регрессионного моделирования связи между опытом постоянной миграции и желанием переехать, отношение шансов

	Модель 1	Модель 2
Тип пожизненной миграции (реф. — нет опыта миграции)		
Внутрирегиональный мигрант	0,92 (0,069)	
Мигрант из другого региона	0,978 (0,069)	
Международный мигрант	0,927 (0,095)	
Переезжал за последние 10 лет (реф. — не переезжал)	1,18 5 *** (0,076)	
Тип миграции по месту рождения и давности переезда (реф. — нет опыта миграции)		
Возвратный мигрант		1,721 *** (0,163)
Давний мигрант		1,129 * (0,072)
Недавний мигрант		0,999 (0,082)
Возраст (реф. — 35-44 года)		
15-24 года	4,251*** (0,423)	4,352 *** (0,436)
25-34 года	1,280 *** (0,100)	1,287 *** (0,101)
45-54 года	0,862 * (0,069)	0,852 ** (0,068)
55+ лет	0,440 *** (0,041)	0,426 *** (0,040)
Пол (реф. — мужчина)	1,267 *** (0,067)	1,263 *** (0,067)
Наличие высшего образования (реф. — нет)	1,266 *** (0,072)	1,270 *** (0,072)
Занятость (реф. — экономически неактивное население)		
Занят	0,955 (0,079)	0,951 (0,079)
Не занят	1,194 (0,175)	1,159 (0,171)
Наличие партнёрского союза (брака) (реф. — не в браке)	0,778 *** (0,045)	0,777 *** (0,045)
Миграционная активность в населённом пункте		
Доля местных уроженцев в населённом пункте, %		0,997 (0,005)
Доля переехавших в населённый пункт в последние 10 лет, %		0,969 *** (0,012)
Людность (реф. — более 100 тыс. чел.)		
50-100 тыс. чел.	2,272 *** (0,235)	1,914 *** (0,220)
до 50 тыс. чел.	1,592 *** (0,151)	1,376 *** (0,146)
Характеристики социально-экономического положения населённого пункта		
Убыль населения более чем на 10% с 1989 г. (реф. — убыль менее 10% или прирост)	0,668 *** (0,051)	0,602 *** (0,052)
Отношение среднемесячной зарплаты к прожиточному минимуму, раз	1,128 *** (0,026)	1,103 *** (0,036)
Константа	0,253	0,783
Pseudo R ²	0,110	0,114
Число наблюдений	7115	7123
Доля верно предсказанных значений, %	67,88	68,19
AUC	0,719	0,719

Источник: Данные опроса.

Примечание: Стандартная ошибка в скобках: * — $p < 0,1$, ** — $p < 0,05$, *** — $p < 0,01$.

Первая модель показала, что опыт пожизненной миграции респондента по различным направлениям не оказывает значимого влияния на миграционные намерения по сравнению с проживающими в населённом пункте с рождения. Однако факт переезда за последние 10 лет повышает шансы иметь миграционные намерения у респондента на 18,5% по сравнению с теми, кто за последние 10 лет не переезжал.

Вторая же модель свидетельствует о более сложной связи. При добавлении переменной опыта постоянной миграции мы видим, что возвратные мигранты (те, кто родились здесь, но переезжали и вернулись в населённый пункт менее

10 лет назад) имеют на 72% более высокие шансы иметь желание переехать, чем коренные жители без опыта недавнего переезда, что может отражать неудовлетворённость возвращением. Давние мигранты также показывают значимо большие (на 13%) шансы иметь миграционные намерения, а вот новосёлы из других населённых пунктов (недавние мигранты) не имеют различий в их уровне с референтной группой немигрантов.

Второй фокус анализа был связан со сравнением эффектов макро- и микроуровня и оценкой того, какое влияние оказывает распространённость миграционного опыта как макропеременная: как миграционные намерения связаны с долей местных уроженцев и новосёлов (переехавших за последние 10 лет)? Доля родившихся в населённом пункте не оказывает значимого влияния на распространённость миграционных намерений, в отличие от доли новосёлов. Увеличение этой доли на один процентный пункт (п. п.) приводит к снижению шансов иметь миграционные намерения на 3%. Населённые пункты с высокой долей недавних переселенцев, как правило, отличаются положительным миграционным приростом. В населённые пункты с высоким миграционным приростом чаще приезжают люди, уже удовлетворённые качеством жизни или нашедшие здесь значимые ресурсы (работу, жильё, образовательные возможности). Согласно теории селекции (Becker 1964; Greenwood et al. 1991), такие мигранты менее склонны к повторным перемещениям.

Контрольные переменные в обоих моделях оказывают устойчивое влияние на миграционные намерения, что повторяет результаты предыдущего исследования (Балабан и др. 2024). Самые высокие шансы иметь миграционные намерения у молодёжи 15-24 лет, с возрастом они последовательно снижаются. Также шансы иметь миграционные намерения выше у женщин, лиц с высшим образованием, людей, не состоящих в браке.

Среди макропеременных значимо повышает шансы наличия миграционных намерений проживание в малых и средних городах, городах с положительной или слабоотрицательной динамикой численности населения. Отношение средней заработной платы к прожиточному минимуму остаётся значимым предиктором: его рост повышает шансы иметь миграционные намерения. Дальнейшие модели показывают аналогичные зависимости.

Текущая пространственная мобильность

В качестве характеристик текущей пространственной мобильности использовали переменные, отражающие категории поездок респондентов по частоте, направлениям и целям. Они были построены из вопросов «Как часто Вы выезжаете из своего населённого пункта? С какой целью?» Этот вопрос задавали относительно поездок внутри региона (в соседние СНП, в районный и региональный центры, в другие города региона), а также относительно поездок в другие регионы (см. фрагмент анкеты в таблице ПЗ Приложения).

На основе частоты и направлений была создана переменная типов текущей пространственной мобильности респондента по направлениям: 1) никуда не ездит; 2) ездит внутри региона (сюда не включали поездки в соседние сельские населённые пункты (СНП)); 3) ездит в другие регионы; 4) комбинированная – внутри и в другие регионы. В качестве минимально возможной частоты поездок брали категорию «раз в год и чаще».

Переменную «дачные поездки» формировали на основе ответов о выездах в соседние сельские НП с частотой «каждую неделю», а переменную «маятниковые поездки» – на основе любых внутрирегиональных перемещений с частотой «ежедневно». Маятниковая миграция оказалась редким явлением среди респондентов

– лишь 2% опрошенных включены в такого рода поездки. Это связано прежде всего с выборкой населённых пунктов: немногие из них входят в городские агломерации, где распространена маятниковая миграция, и даже в таких случаях опрос проводили в центрах агломераций, а не их городах-спутниках (например, в Абакане, а не Черногорске; в Ухте, а не Сосногорске). Из-за низкой наполненности переменная маятниковой миграции не была включена в анализ.

На основе вопроса о целях поездок были сконструированы переменные, отражающие совершают ли респонденты поездки к родственникам внутри региона и за его пределы (цель «к родным, друзьям, в гости»), выезжают ли они в другие регионы с целью отдыха (цель «на отдых») (таблица 3). Вторая по наполненности группа, почти 31%, совершает поездки только внутри региона.

Таблица 3. Распределение опрошенных по типам пространственной мобильности

Категория	Число ответивших	Доля из всех, %
Категория мобильности по направлению		
Никуда не ездит	1274	15,48
Ездит внутри региона	2543	30,89
Ездит в другие регионы	1076	13,07
Ездит внутри региона и в другие	3339	40,56
Ездит к родственникам внутри региона	1251	15,06
Ездит к родственникам в другие регионы	963	11,59
Ездит отдыхать в другие регионы	1383	16,64
Дачные поездки (каждую неделю)	926	11,25
Маятниковые поездки (каждый день)	191	2,32
Всего	8232	100

Источник: Данные опроса.

Для проверки различий между группами с разным опытом текущей мобильности по двум описанным выше классификациям при контроле других переменных, оказывающих влияние на миграционные намерения, была построена регрессионная модель (таблица 4). Текущая пространственная мобильность оказывает значимое влияние на наличие миграционных намерений: поездки в другие регионы увеличивают шансы иметь желание переехать на 68% по сравнению с теми, кто никуда не ездит, а участие в поездках внутри региона и в другие регионы – на 39%. У никуда не едущих и едущих только внутри региона нет значимых различий в шансах иметь намерения на переезд. Туризм в другие регионы повышает шансы иметь миграционные намерения на 34% по сравнению с отсутствием поездок с такой целью, тогда как поездки к родственникам в другие регионы снижают их на 18% относительно тех, кто не совершает таких поездок. Для поездок к родственникам внутри региона и дачных поездок не выявлено статистически значимого эффекта.

Интересно, что включение переменных макроуровня, характеризующих степень мобильности населения, демонстрирует несколько другую связь: увеличение на 1 п. п. доли жителей населённого пункта, указавших регулярные поездки в другие регионы, снижает шансы иметь миграционные намерения на 0,6%. При этом увеличение на 1 п. п. доли респондентов, никогда не покидающих пределы своего населённого пункта, также снижает эти шансы на 1%. По всей видимости, в совокупности эти два показателя являются прокси-переменными других характеристик населённого пункта: социально-экономического положения и возрастной структуры населения и транспортной доступности населённого пункта. Если у большой доли населения нет средств периодически выезжать из города, то маловероятно, что найдутся средства и на

потенциальную миграцию, и наоборот, наличие этих средств, открывающих возможности для перемещений, будет притягивающим, а не выталкивающим фактором миграции. Высокая доля пожилого населения снижает миграционную активность в населённом пункте и связана с более низким уровнем миграционных намерений.

Таблица 4. Результаты регрессионного моделирования связи между опытом текущей пространственной мобильностью и желанием переехать, отношение шансов

	Модель 1
Мобильность (реф. – никуда не ездит)	
Ездит внутри региона	1,081 (0,096)
Ездит в другие регионы	1,681*** (0,170)
Ездит внутри региона и в другие	1,391*** (0,122)
Дамми-переменные мобильности по целям	
Ездит к родственникам внутри региона (реф. – не ездит)	0,871 (0,076)
Ездит к родственникам в другие регионы (реф. – не ездит)	0,817 ** (0,079)
Ездит отдыхать в другие регионы (реф. – не ездит)	1,339 *** (0,099)
Дачные поездки каждую неделю (реф. – нет таких поездок)	0,943 (0,080)
Возраст (реф. – 35–44 года)	
15-24 года	4,206 *** (0,419)
25-34 года	1,292 *** (0,100)
45-54 года	0,857 * (0,068)
55+ лет	0,440 *** (0,041)
Пол (реф. – мужчина)	1,266 *** (0,068)
Наличие высшего образования (реф. – нет)	1,216 *** (0,070)
Занятость (реф. – экономически неактивное население)	
Занят	0,953 (0,080)
Не занят	1,240 (0,182)
Наличие партнёрского союза (брака) (реф. – не в браке)	0,761*** (0,044)
Характеристики социально-экономического положения населенного пункта	
Убыль населения более чем на 10% с 1989 г. (реф. – убыль менее 10% или прирост)	0,629 *** (0,050)
Отношение среднемесячной зарплаты к прожиточному минимуму, раз	1,107*** (0,026)
Людность (реф. – более 100 тыс. чел.)	
50-100 тыс. чел.	2,427 *** (0,264)
до 50 тыс. чел.	1,598 *** (0,166)
Миграционная активность в населенном пункте	
Доля едущих в другие регионы среди опрошенных жителей населённого пункта, %	0,994 *** (0,002)
Доля никуда никогда не едущих в населённом пункте, %	0,990 * (0,006)
Константа	0,356
Pseudo R ²	0,117
Число наблюдений	7123
Доля верно предсказанных значений, %	68,30
AUC	0,722

Источник: Данные опроса.

Примечание: Стандартная ошибка в скобках: * – $p < 0,1$, ** – $p < 0,05$, *** – $p < 0,01$.

Временная трудовая миграция (вахта)

Из 8232 респондентов 2001 человек (24,31%) указали, что они сами или члены их семей за два года, предшествующие моменту опроса, выезжали на работу в другие населённые пункты (таблица 5). Для последующего анализа мы используем в качестве категорий анализа работу вахтовым методом как самого респондента, так и его/её партнера, а также других членов семей, указанных в таблице.

Таблица 5. Члены семей респондентов, имеющие опыт вахты

Кто имеет опыт вахты	Число указавших	Доля от всех ответивших, %
Респондент	347	4,22
Супруг (партнёр) респондента	367	4,46
Дети респондента	376	4,57
Родители респондента	427	5,19
Прочие родственники	536	6,51
Всего	2001	24,31

Источник данных: Данные опроса.

Примечание: Сумма по строкам 1-5 отличается от значения в строке 6, поскольку в ряде случаев на вахту выезжали сразу несколько членов семьи респондента.

Направления внутрироссийской вахты анализировали, если респонденты или их партнёры выезжали на вахту. Направления выезда сгруппированы следующим образом: вахта внутри региона проживания, в ресурсодобывающие северные регионы страны, столичные регионы (Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область), в соседние по отношению к месту опроса регионы, прочие регионы. Если было указано несколько направлений выезда, то это учитывали в отдельной категории. Распределение респондентов по направлению вахты указано в таблице 6.

Таблица 6. Направления вахты респондентов и их супругов (партнёров)

Направление вахты	Число указавших	Доля от всех указавших, %	Доля желающих переехать, %
Внутри региона	136	20,9	42,65
На Север	196	30,1	38,27
В столицы	92	14,1	43,48
В соседние регионы	83	12,7	44,58
В прочие регионы	89	13,7	37,08
В нескольких направлениях	55	8,4	52,73*
Всего	651	100,0	41,78

Источник данных: Данные опроса.

*Примечание: * – значимо на уровне $p = 0,1$.*

Для анализа связи между опытом вахты и желанием переехать были построены три регрессионные модели. Две из них описывают связь между желанием переехать и опытом вахты различных членов семьи респондента, включая его самого, а третья – между желанием переехать и направлениями вахты респондента и его (её) партнёра или супруга (таблица 7).

Таблица 7. Результаты регрессионного моделирования связи между опытом вахты и желанием переехать, отношение шансов

	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Наличие опыта вахты в семье (реф. – в семье никто не ездил на вахту)			
Собственный опыт вахты	1,173 (0,127)	1,197 (0,127)	
Опыт вахты супруга (партнёра)	1,283 * (0,128)	1,322** (0,129)	
Опыт вахты детей		0,989 (0,145)	
Опыт вахты родителей		1,560 *** (0,131)	
Опыт вахты прочих членов семьи		1,258 ** (0,111)	
Направление вахты — собственной или партнёра (реф. – «прочие регионы»)			
Внутри региона			1,280 (0,327)
На Север			1,138 (0,302)
В столицы			1,512 (0,367)
В соседние регионы			1,072 (0,371)
По нескольким направлениям			2,187 ** (0,399)
Возраст (реф. – 35-44 года)			
15-24 года	4,373 *** (0,099)	4,095 *** (0,101)	1,531 (0,378)
25-34 года	1,303 *** (0,077)	1,271 *** (0,078)	1,034 (0,240)
45-54 года	0,847 ** (0,079)	0,854 ** (0,080)	0,589 ** (0,256)
55 лет и старше	0,431*** (0,093)	0,439 *** (0,094)	0,285 *** (0,369)
Пол (реф. – мужчина)	1,248 *** (0,054)	1,245 *** (0,055)	1,092 (0,195)
Наличие высшего образования (реф. – нет)	1,298 *** (0,057)	1,297 *** (0,057)	1,241 (0,198)
Занятость (реф. – экономически неактивное население)			
Занят	0,953 (0,083)	0,967 (0,083)	0,467* (0,418)
Не занят	1,183 (0,147)	1,195 (0,147)	0,773 (0,550)
Наличие партнёрского союза (брака) (реф. – не в браке)	0,761*** (0,058)	0,763 *** (0,058)	1,445 (0,225)
Миграционная активность в населенном пункте			
Доля жителей НП, имеющих опыт вахты, %	1,009 *** (0,003)	1,008 ** (0,003)	1,020 (0,012)
Людность (реф. – более 100 тыс. чел.)			
50-100 тыс. чел.	2,111*** (0,106)	2,126 *** (0,106)	2,353 ** (0,377)
до 50 тыс. чел.	1,476 *** (0,098)	1,485 *** (0,098)	2,363 ** (0,365)
Характеристики социально-экономического положения населенного пункта			
Убыль населения более чем на 10% с 1989 г. (реф. – убыль менее 10% или прирост)	0,768 *** (0,089)	0,766 *** (0,089)	0,423 *** (0,332)
Отношение среднемесячной зарплаты к прожиточному минимуму, раз	1,185 *** (0,028)	1,186 *** (0,028)	1,153 (0,116)
Константа	0,121*** (0,214)	0,119 *** (0,214)	0,095 *** (0,881)
Pseudo R ²	0,187	0,190	0,154
Число наблюдений	7123	7123	574
Доля верно предсказанных значений, %	67,8	68,0	65,7
AUC	0,719	0,718	0,7

Источник: Данные опроса.

Примечание: Стандартная ошибка в скобках: * – $p < 0,1$, ** – $p < 0,05$, *** – $p < 0,01$.

Собственный опыт временной трудовой миграции не находится в значимой связи с желанием переехать, зато опыт вахты супруга (партнёра) повышает шансы хотеть переехать (по сравнению с опрошенными, в семье которых никто не ездил на вахту) примерно на 30%, опыт вахты родителей (даже при контроле на возраст респондента) – на 56%, опыт вахты прочих родственников (кроме детей) – на 26%.

При этом конкретное направление вахтовых поездок, по нашим данным, не оказывает значимого влияния на шансы иметь миграционные намерения, но опыт вахты сразу по нескольким направлениям удваивает эти шансы. Вероятно, множественность мест приложения труда сигнализирует об ощущаемой неустроенности и стремлении найти более подходящее место проживания.

На макроуровне распространённость вахтовой миграции в населённом пункте выступает выталкивающим фактором. Чем более распространена вахта в населённом пункте, тем выше шансы хотеть переехать: на каждый 1 п. п. распространённости опыта вахты они растут на 0,8-2,0%. Таким образом, миграционные настроения отдельных людей связаны не только с личным опытом вахты или аналогичным опытом близких, но и с ситуацией в целом по городу проживания. Вероятно, речь идёт не о прямой связи между распространённостью вахты и желанием переехать, а об общей причине (и вахта, и желание переехать – следствия социально-экономических проблем и неустроенности в месте проживания), однако это предположение требует дополнительной проверки при помощи методов качественного анализа.

Миграционные намерения и взаимодействие разных типов пространственной мобильности

Результаты построения итоговой регрессионной модели, объединяющей различные формы миграционной активности, приведены в таблице 8. Для постоянной миграции результаты остаются теми же: у «недавних возвратных» мигрантов шансы хотеть уехать на 69% выше, чем у невыезжавших местных уроженцев, а у «давних» мигрантов – на 12% выше. Новосёлы же не отличаются от немигрантов по шансам иметь миграционные намерения.

Среди показателей пространственной мобильности, а именно поездок внутри и вне региона, теперь все категории положительно значимы по сравнению с никуда не выезжающими респондентами. Самое большое влияние оказывают поездки только за пределы региона: они увеличивают шансы иметь миграционные намерения на 57%, а внутрирегиональные поездки – на 16%.

Переменная включённости в вахтовую миграцию в этой модели принимает значение 1, если сам респондент или его (её) супруг (партнёр) работают или работали вахтовым методом. Проживание в таком домохозяйстве повышает шансы иметь миграционные намерения на 22%.

Таблица 8. Результаты регрессионного моделирования связи между опытом постоянной миграции, текущей пространственной мобильностью и желанием переехать, отношение шансов

Итоговая модель	
Опыт постоянной миграции (реф. – нет опыта миграции)	
Возвратный мигрант	1,686 *** (0,161)
Давний мигрант	1,119 * (0,0715)
Недавний мигрант	0,972 (0,0802)
Мобильность (реф. – никуда не ездит)	
Ездит внутри региона	1,163 * (0,101)
Ездит в другие регионы	1,571 *** (0,157)
Ездит внутри региона и в другие	1,328 *** (0,113)
Поездки на вахту (реф. — респондент и его (её) партнёр (супруг) не имеют опыта вахты)	
Респондент или партнёр (супруг) ездят на вахту	1,222 ** (0,113)
Возраст (реф. – 35-44 года)	
15-24 года	4,350 *** (0,443)
25-34 года	1,299 *** (0,103)
45-54 года	0,866 * (0,0701)
55+ лет	0,432 *** (0,0410)
Пол (реф. — мужчина)	1,272 *** (0,0685)
Наличие высшего образования (реф. – нет)	1,232 *** (0,0723)
Занятость (реф. — экономически неактивное население)	
Занят	0,928 (0,0784)
Не занят	1,206
Наличие партнерского союза (брака) (реф. – нет)	0,755 *** (0,0442)
Характеристики социально-экономического положения населенного пункта	
Убыль населения более чем на 10% с 1989 г. (реф. – убыль менее 10% или прирост)	0,686 *** (0,0529)
Отношение среднемесячной з/п к прожиточному минимуму	1,155 *** (0,0269)
Людность (реф. – более 100 тыс. чел.)	
50-100 тыс. чел.	2,204 *** (0,231)
до 50 тыс. чел.	1,546 *** (0,150)
Константа	0,178
Pseudo R ²	0,118
Число наблюдений	6965
Доля верно предсказанных значений, %	68,7%
AUC	0,724

Источник: Данные опроса.

Примечание: Стандартная ошибка в скобках: * – $p < 0,1$, ** – $p < 0,05$, *** – $p < 0,01$.

Как же различные формы миграционной активности взаимодействуют между собой? Отличается ли их кумулятивный эффект на наличие миграционных намерений от прямого?

Первая модель с эффектами взаимодействия переменных места рождения и посещения других регионов показывает, что значимо более высокие шансы иметь намерения на переезд определяются скорее фактом посещения других регионов, а не рождением в месте опроса или вне его (таблица 9, полные результаты в приложении в таблице П4 Приложения). При этом положительный эффект переезда за последние 10 лет и участия в вахтовой миграции сохраняется.

Таблица 9. Фрагмент результатов регрессионного моделирования связи между опытом постоянной миграции, текущей пространственной мобильностью и желанием переехать с переменными взаимодействия, отношение шансов

Модель 1		Модель 2		Модель 3	
Реф. – родился здесь / не посещает другие регионы		Реф. – не переезжал за последние 10 лет / не посещает другие регионы		Реф. – родился здесь / никто не ездит на вахту	
Родился не здесь / не посещает другие регионы	0,927 (0,076)	Не переезжал за последние 10 лет / посещает другие регионы	1,286 *** (0,080)	Родился не здесь / никто не ездит на вахту	0,937 (0,055)
Родился не здесь / посещает другие регионы	1,190 ** (0,092)	Переезжал за последние 10 лет / не посещает другие регионы	1,249 ** (0,122)	Родился не здесь / респондент или партнёр ездят на вахту	1,251 * (0,170)
Родился здесь / посещает другие регионы	1,233*** (0,090)	Переезжал за последние 10 лет / посещает другие регионы	1,451 *** (0,128)	Родился здесь / респондент или партнёр ездят на вахту	1,150 (0,141)
Респондент или партнёр (супруг) ездят на вахту	1,216 ** (0,112)	Респондент или партнёр (супруг) ездят на вахту	1,216 ** (0,112)	Переезжал за последние 10 лет	1,181 ** (0,077)
Переезжал за последние 10 лет	1,177 ** (0,077)	Родился здесь	1,055 (0,0586)		
Константа	0,21	Константа	0,194	Константа	0,233
Pseudo R ²	0,115	Pseudo R ²	0,115	Pseudo R ²	0,113
Число наблюдений	6957	Число наблюдений	6957	Число наблюдений	6957
Доля верно предсказанных значений, %	68,3%	Доля верно предсказанных значений, %	68,2	Доля верно предсказанных значений, %	67,9
AUC	0,722	AUC	0,722	AUC	0,72

Источник: Данные опроса.

Примечание: Стандартная ошибка в скобках: * – $p < 0,1$, ** – $p < 0,05$, *** – $p < 0,01$.

Во второй модели исследовали переменную взаимодействия между переездом за последние 10 лет и фактом регулярных поездок в другие регионы. Самые высокие шансы иметь миграционные намерения по сравнению с невыезжающими за пределы региона старожилами (на 45% выше) имеют новосёлы, посещающие другие регионы. Однако и посещающие другие регионы старожилы, и не посещающие новосёлы тоже имеют значимо большие шансы желать переехать – на 29 и 25% соответственно. Таким образом, для формирования миграционных намерений важен как факт межрегиональной пространственной мобильности, так и факт недавнего переезда.

Эффект взаимодействия включённости в вахтовую миграцию и места рождения несколько другой: по сравнению с местными, не едущими на вахту, только едущие на вахту пожизненные мигранты имеют значимо более высокие шансы желать переехать (на 25%). Поскольку вахта часто осмысливается как компромисс между желанием не уезжать и желанием иметь более высокооплачиваемую работу, найденная взаимосвязь выглядит

достаточно логичной: не имея с местом проживания столь же сильной связи, как у местных уроженцев, мигранты оказываются более готовыми на возможный переезд.

Заключение и дискуссия

Мы стремились прояснить, каким образом различные формы миграционной активности (накопленный опыт постоянных переездов, текущая пространственная мобильность и участие в вахтовой миграции) влияют на формирование миграционных намерений жителей российских городов. Анализ сочетал индивидуальные факторы с макроусловиями населённых пунктов, что позволило рассмотреть миграционные намерения как результат текущих обстоятельств и накопленного опыта мобильности.

Полученные результаты по анализу постоянной миграции в целом подтверждают сделанные в литературе выводы, что прошлые переезды повышают вероятность желая уехать (Bernard et al. 2022; de Jong 2000). Однако различия по направлениям пожизненной миграции (внутрирегиональные, межрегиональные, международные) оказались статистически незначимыми, что является неожиданным результатом. Предыдущие исследования выявляли разное влияние внутрирегиональной и межрегиональной миграции на миграционные намерения (Bernard 2022). Ограничением здесь служит невозможность точно зафиксировать длительность и последовательность всех миграций (история перемещений в уличном опросе собирается только за последние 10 лет без информации о длительности проживания), что может исказить картину. Наибольшая выраженность намерений наблюдается у возвратных мигрантов, чьи высокие ожидания часто сменяются разочарованием, а также у давних мигрантов (переехавших в населенный пункт более 10 лет назад). Возможно, давние мигранты с большей вероятностью включены в специфические миграционные стратегии: миграция за детьми, переезд после выхода на пенсию (в том числе северную), что усиливается социальными связями в других местах (даже без подкрепления поездками) (Карачурина, Мкртчян 2016). Недавние же мигранты используют накопленный миграционный капитал для осмысленного решения остаться, поскольку притягивающие факторы населённого пункта еще не утратили свою силу (Moret 2020). Высокие миграционные намерения возвратных мигрантов могут свидетельствовать о «вынужденности» этого переезда, поэтому такая категория респондентов хотела бы попробовать переехать еще раз (Варшавская, Чудиновских 2014).

Временные поездки и текущая пространственная мобильность также оказывают влияние на намерения к переезду. Как и в зарубежных исследованиях, наибольший эффект обнаруживается для регулярных выездов за пределы региона, особенно с туристическими целями: они расширяют горизонты и снижают барьеры к миграции (Ferrari 2022; King et al. 2013). При этом поездки к родственникам, вопреки ожиданиям (Manchin, Orazbayev 2018), не стимулируют желание уехать, а могут компенсировать отсутствие миграции. Таким образом, мобильность оказывается значима не только как способ накопления опыта перемещений, но и как форма поддержания связей, которые могут как усиливать, так и сдерживать миграционные намерения.

Согласуясь с позицией Плюснина и коллег, утверждающих, что отходничество закрепляет вахтовиков на месте, но увеличивает миграционные намерения членов семьи (Плюснин и др. 2013), мы отмечаем, что именно родственники вахтовиков – супруги и дети – чаще выражают намерение к переезду. Для них вахта становится индикатором

нестабильности и дефицита возможностей в родном городе, хотя и позволяет выигрывать в экономическом благосостоянии домохозяйства (Мкртчян, Флоринская 2019). Направления вахтовых поездок при этом не оказывают значимого влияния: важным для увеличения миграционных намерений оказался факт перемещений не по одному, а по множественным направлениям вахты. По-видимому, отсутствие устоявшегося направления вахтовой работы делает жизнь менее предсказуемой и организованной и сигнализирует о неудовлетворённости текущим положением.

Разные виды миграционной активности дополняют друг друга: разнообразие проявлений пространственной мобильности, текущих или связанных с миграционным опытом, в целом повышает готовность человека к переезду. Это наблюдение подтверждается при проверке с помощью моделей взаимодействия: например, вахта становится значимым предиктором миграционных намерений только для неместных уроженцев, т. е. людей с опытом пожизненной миграции, а опыт недавнего переезда (менее 10 лет) усиливает эффект от высокой текущей мобильности. Такую «накопительность» видов миграционной активности можно трактовать с экономической точки зрения (высокая подвижность сопряжена с высоким достатком, который связан с повышенным желанием переехать), а можно с точки зрения психологических аспектов (высокая подвижность приводит к насмотренности и снижает привязанность к текущему месту проживания) (Bailey 1989; Cairns 2022; Nowotny 2014).

Макропеременные, характеризующие населённый пункт с позиции распространённости тех или иных форм миграционной активности, также показали значимую связь с шансами наличия миграционных намерений. Доля новосёлов как прокси миграционной привлекательности отрицательно связана с этими шансами, а распространённость вахты – ожидаемо положительно, что показывает неудовлетворённость рынком труда и возможностями занятости в населённом пункте. Интересно, что и увеличение доли никогда не выезжающих за пределы своего НП, и увеличение доли выезжающих за пределы региона приводит к уменьшению шансов иметь миграционные намерения. По всей видимости, это объясняется взаимодействием характеристик транспортной доступности, возрастной структуры и социально-экономического положения населённого пункта.

Полученные результаты необходимо рассматривать с учётом специфики данных и особенностей вопросов анкеты. Во-первых, основную часть выборки населённых пунктов составили малые и средние города (до 100 тыс. жителей), расположенные на периферии своих регионов (за пределами пригородных зон региональных центров), тогда как большие города и сельская местность представлены слабо. При этом выборка смещена на восток: 16 из 27 обследованных НП расположены в азиатской части России, Северо-Запад и Европейский Центр представлены слабо, а Европейский Юг и Северный Кавказ вообще не были обследованы. Во-вторых, вопрос о миграционных намерениях в анкете сформулирован в общем виде, включает в себя ситуации миграционных желаний (когда человек хочет переехать без оценки возможностей для переезда при идеальных условиях), миграционных планов (когда желание переехать имеет конкретные временные промежутки и уже были совершены какие-то действия по организации переезда). Такой подход включает в рассмотрение всех жителей, которые потенциально хотели бы переехать, но потенциал у этого переезда очень разный. В-третьих, из-за уличного характера опроса анкета содержит ограниченный набор вопросов-индикаторов намерений на переезд: не задавались вопросы об экономическом положении респондентов (доходах,

наличию и характеристикам жилья), месте или отрасли работы, наличии, числе и возрасте детей и родителей и месте их проживания.

Литература

Абылкаликов С.И. (2015). Миграционная активность и приживаемость населения регионов России. *Региональные исследования*, 3(49), 65–73.

Abylkalikov S.I. (2015). Migration activity and adaptation of population in regions of Russia. *Regional Research*, 3(49), 65–73. (In Russ.)

<https://elibrary.ru/item.asp?id=25017233>

Афонин М.В. (2012). Маятниковая миграция как фактор субурбанизации. *Вестник социально-политических наук*, 11, 14–19.

Afonin M.V. (2012). Commuting as a factor in suburbanization. *Vestnik sotsial'no-politicheskikh nauk*, 11, 14–19. (In Russ.)

<https://elibrary.ru/item.asp?id=19107138>

Бажутова Е.А. (2022). Вахта как резерв для трансформации миграционных процессов в регионах Арктической зоны Российской Федерации. *Север и рынок: формирование экономического порядка*, 4(78), 148–166.

Vazhutova E.A. (2022). Shift method as a reserve for the transformation of migration processes in the regions of the Russian Arctic. *The North and the Market: Forming the Economic Order*, 4(78), 148–166. (In Russ.)

http://iep.kolasc.net.ru/journal/?page_id=1524

Балабан М.О., Родина О.А., Чертенков К.О., Шарепина Е.А. (2024). Что определяет миграционные намерения горожан: результаты опросов населения, проведённых в 10 регионах России в 2018–2023 гг. *Демографическое обозрение*, 11(4), 136–167.

Balaban M.O., Rodina O.A., Chertenkov K.O., Sharepina E.A. (2024). What determines the migration intentions of city dwellers: results of surveys conducted in 10 regions of Russia in 2018–2023. *Demographic Review*, 11(4), 136–167. (In Russ.)

<https://doi.org/10.17323/demreview.v11i4.24294>

Варшавская Е.Я., Чудиновских О.С. (2014). Миграционные планы выпускников региональных вузов России. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 3, 36–58.

Varshavskaya E. Ya., Chudinovskikh O. S. (2014). Migration intentions of graduates of Russia's regional higher educational institutions. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*, 3, 36–58. (In Russ.)

<https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=14958&p=attachment>

Зайончковская Ж.А., Ноздрин Н.Н. (2008). Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере социологического опроса в 10 городах). *Проблемы прогнозирования*, 4, 98–111.

Zayonchkovskaya Zh.A., Nozdrina N.N. (2008). Migration experiences of the population in regional centers of Russia (based on a sociological survey in 10 cities). *Problems of Forecasting*, 4, 98–111. (In Russ.)

<https://ecfor.ru/publication/migratsionnyj-opyt-naseleniya-regionalnyh-tsentrov-rossii/>

- Захаров С.В., Сурков С.В. (2009). Миграционный опыт и рождаемость в послевоенных поколениях россиян. В С.В. Захаров, Т.М. Малева, О.В. Синявская (Ред.) *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Сб. аналитических статей. Вып.2* (с. 45-118). Москва: Независимый институт социальной политики.
- Zakharov S.V., Surkov S.V. (2009). Migration experience and fertility in post-war generations of Russians. In Zakharov S.V., Maleva T.M., Sinyavskaya O.V. (Eds.). *Parents and children, men and women in the family and society. A collection of articles. Issue 2.* (p. 45-118). Moscow: Independent Institute for Social Policy.
- https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/socpol/pdf/RiDMiG-2_2009.pdf
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. (2008). Демографические и социально-экономические факторы динамики миграционной активности населения России: современная ситуация и перспективы. *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*, 6, 571–604.
- Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. (2008). Demographic and socio-economic factors influencing migration patterns among the Russian population: current situation and prospects. *Scientific Works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*, 6, 571–604. (In Russ.)
- <https://ecfor.ru/publication/factory-dinamiki-migratsionnoj-aktivnosti-naseleniya-rossii/>
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. (2016). Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности. *Демографическое обозрение*, 3(4), 47–65.
- Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. (2016). Interregional migration in Russia: age characteristics. *Demographic Review*, 3(4), 47–65. (In Russ.)
- <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i4.3205>
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. (2024). Миграционные намерения жителей России: кто и почему хочет стать жителем Москвы. В М.Б. Денисенко (Ред.), *Население постсоветских стран: тенденции, прогнозы, межпоколенческие трансферты* (с.с. 483–523). М.: Прометей.
- Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. (2024). Migration intentions of Russian residents: who and why wants to become a resident of Moscow. In M.B. Denisenko (Ed.), *Naselenie postsovetских стран: tendentsii, prognozy, mezhpokolencheskie transferty* (pp. 483–523). Moscow: Prometei. (In Russ.)
- <https://elibrary.ru/item.asp?id=80402241>
- Карачурина Л.Б., Флоринская Ю.Ф. (2019). Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, 6, 82–89.
- Karachurina L.B., Florinskaya Yu.F. (2019). Migration intentions of school graduates in small and midsize towns of Russia. *Lomonosov Geography Journal*, 6, 82–89. (In Russ.)
- <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/597>
- Кутюва С.В. (2014). Миграционные настроения населения Еврейской автономной области. *Социологические исследования*, 6, 134–136.
- Kutovaya S.V. (2014). Migration attitudes of the population of the Jewish autonomous region. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*, 6, 134–136. (In Russ.)
- <https://www.socis.isras.ru/article/5702>

- Лялина А.В., Волошенко К.Ю. (2024). Миграционный потенциал Калининградской области: миграционные настроения и намерения жителей эксклава. *Демографическое обозрение*, 11(4), 168–188.
Lialina A.V., Voloshenko K.Yu. (2024). Migration potential of the Kaliningrad region: migration sentiments and intentions of residents of the exclave. *Demographic Review*, 11(4), 168–188. (In Russ.)
<https://doi.org/10.17323/demreview.v11i4.24295>
- Макарова Г.И. (2023). Отношение к городу и миграционные установки жителей нестоличных промышленных городов Татарстана. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(2), 197–230.
Makarova G.I. (2023). Attitude to the city and migration strategies of residents of non-capital industrial cities of Tatarstan. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]*, 26(2), 197–230. (In Russ.)
<https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.9>
- Мкртчян Н.В. (2003). Миграционная активность населения в современной России. *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*, 1, 359–376.
Mkrtychyan N.V. (2003). Migration activity of the population in modern Russia. *Scientific Works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*, 1, 359–376. (In Russ.)
<https://ecfor.ru/publication/migratsionnaya-aktivnost-naseleniya-v-sovremennoj-rossii/>
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2019). Жители малых и средних городов России: трудовая миграция как альтернатива безвозвратному отъезду. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 3(43), 78–94.
Mkrtychyan N.V., Florinskaya Yu.F. (2019). Residents of Small and Mid-Size Towns of Russia: Labor Migration as an Alternative to Permanent Transfer. *Journal of the New Economic Association*, 3(43), 78–94. (In Russ.)
<https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-43-3-4>
- Нефёдова Т.Г. (2018). Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России. *Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов*, 7, 1–12.
Nefedova T.G. (2018). Factors and trends of the structure of rural settlements in Russia. *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Assotsiatsii rossiyskikh geografov-obshchestvovedov*, 7, 1–12. (In Russ.)
<https://elibrary.ru/item.asp?id=35093030>
- Осипова О.В., Маклашова Е.Г. (2016). Миграционные намерения молодёжи Арктики в контексте субъективных оценок социального самочувствия. *Арктика и Север*, 24, 14–26.
Osipova O.V., Maklashova E.G. (2016). Migration intentions of the Arctic youth in the context of subjective evaluations of the social wellbeing. *Arctic and North*, 24, 14–26. (In Russ.)
<https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.24.14>
- Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. (2013). *Отходники*. Москва: Новый хронограф. 376 с.
Plyusnin Yu.M., Zausayeva Ya.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A. (2013). *Otkhodniks (Wandering Workers)*. Moscow: Novyi khronograf. 376 p. (In Russ.)

- Рочева А.Л., Варшавер Е.А. (2020). Миграционные намерения молодежи с миграционным бэкграундом и без: российский случай. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3, 295–334.
Rocheva A.L., Varshaver E.A. (2020). Migration Intentions of Youth with and without Migrant Backgrounds: a Russian Case. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 295–334. (In Russ.)
<https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1632>
- Скрипник Е.О. (2010). Миграционные намерения городского населения Хабаровского края. *Пространственная экономика*, 4, 42–57.
Skripnik Ye.O. (2010). Migration intentions of the urban population of Khabarovsk Krai. *Prostranstvennaya Ekonomika [Spatial Economics]*, 4, 42–57. (In Russ.)
http://spatial-economics.com/eng/images/spatial-economics/all/2010_4.pdf
- Туракаев М.С. (2021). Временная трудовая миграция в России: актуальные вопросы и социологические исследования. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(4), 34–58.
Turakayev M. (2021). Temporary Labor Migration in Russia: Topical Issues and Sociological Research. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]*, 24(4), 34–58. (In Russ.)
<https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.2>
- Туракаев М.С., Баймурзина Г.Р. (2022). Работа вахтовым методом глазами временных трудовых мигрантов из Башкортостана. *Проблемы развития территории*, 26(6), 115–133.
Turakayev M. S., Baimurzina G. R. (2022). A fly-in fly-out work through the eyes of temporary labor migrants from Bashkortostan. *Problems of Territory's Development*, 26(6), 115–133. (In Russ.)
<https://doi.org/10.15838/ptd.2022.6.122.7>
- Флоринская Ю.Ф., Рощина Т.Г. (2005). Миграционные намерения выпускников школ малых городов России. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2(74), 77–87.
Florinskaya Yu.F., Roshchina T.G. (2005). Migration intentions of school graduates in small towns of Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2(74), 77–87. (In Russ.)
- Aslany M., Carling J., Mjelva M.B., Sommerfelt T. (2021). Systematic review of determinants of migration aspirations. *Changes*, 1(18), 3911–3927.
Aroca P., Atenza M. (2011). Economic Implications of Long-Distance Commuting in the Chilean Mining Industry. *Resources Policy*, 3(36), 196–203.
<https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2011.03.004>
- Bailey A.J. (1989). Getting on your bike: What difference does a migration history make? *Tijdschrift Voor Economische en Sociale Geografie*, 80, 312–317.
Becker G.S. (1964). *Human capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education*. Chicago: University of Chicago Press. 390 p.
- Bernard A., Kalemba S., Nguyen T. (2022). Do Internal Migration Experiences Facilitate Migration Intentions? *Demography*, 59(4), 1249–1274.
<https://doi.org/10.1215/00703370-9986021>

- Bernard A. (2022). Internal Migration Capital: Linking Past and Future Migration Over the Life Course. In: *Internal Migration as a Life-Course Trajectory. The Springer Series on Demographic Methods and Population Analysis*, vol. 53. Cham: Springer International Publishing.
https://doi.org/10.1007/978-3-031-05423-5_8
- Billari F.C., Liefbroer A.C. (2010). Towards a new pattern of transition to adulthood? *Advances in Life Course Research*, 15(2–3), 59–75.
<https://doi.org/10.1016/j.alcr.2010.10.003>
- Cairns D. (2022). Migration decision-making, mobility capital and reflexive learning. In D. Cairns (Ed.), *The Palgrave Handbook of Youth Mobility and Educational Migration* (pp. 25–34). Cham: Palgrave Macmillan.
https://doi.org/10.1007/978-3-030-99447-1_4
- de Castro Lameira V., Golgher A.B. (2022). Associations between migration and commuting to work in the Metropolitan Region of São Paulo. *Population, Space and Place*, 28(4), e2526.
<https://doi.org/10.1002/psp.2526>
- de Jong G.F. (2000). Expectations, gender, and norms in migration decision-making. *Population Studies*, 54(3), 307–319.
- Dommermuth L., Klüsener S. (2019). Formation and realisation of moving intentions across the adult life course. *Population, Space and Place*, 25(5).
<https://doi.org/10.1002/psp.2212>
- Elder G.H.Jr., Johnson M.K., Crosnoe R. (2003). The Emergence and Development of Life Course Theory. In J.T. Mortimer, M.J. Shanahan (Eds.), *Handbook of the Life Course* (pp. 3–19). Boston, MA: Springer.
https://doi.org/10.1007/978-0-306-48247-2_1
- Ferrari S. (2022). Impacts of second home and visiting friends and relatives tourism on migration: a conceptual framework. *Sustainability*, 14(7), 4352.
<https://doi.org/10.3390/su14074352>
- Greenwood M.J., Hunt G.L., Rickman D.S., Treyz G.I. (1991). Migration, regional equilibrium, and the estimation of compensating differentials. *The American Economic Review*, 81(5), 1382–1390.
<https://www.jstor.org/stable/2006927>
- Davies A., Hoath A. (2016). The Migration of Australians to Bali, Indonesia: More than Retirees and Surfers. *Geographical Research*, 54(1), 35–51.
<https://doi.org/10.1111/1745-5871.12155>
- Horowitz J., Entwisle B. (2021). Life course events and migration in the transition to adulthood. *Social Forces*, 100(1), 29–55.
<https://doi.org/10.1093/sf/soaa098>
- King R., Lulle A., Mueller D., Vathi Z. (2013). Visiting friends and relatives and its links with international migration: A three-way comparison of migrants in the UK. *Malmö: Malmö University, Malmö Institute for Studies of Migration, Diversity and Welfare (MIM)*, 13, 1(57).
<https://www.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A1404813&dswid=-8442>

- Kley S. (2011). Explaining the Stages of Migration within a Life-Course Framework. *European Sociological Review*, 27(4), 469–486.
<https://doi.org/10.1093/esr/jcq020>
- Manchin M., Orazbayev S. (2018). Social networks and the intention to migrate. *World Development*, 109, 360-374.
<https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.05.011>
- Martin P. (2014). Economic aspects of migration. In: *Migration Theory* (pp. 90-114), Routledge.
<https://doi.org/10.4324/9781315814933>
- McKenzie F.H. (2010). Fly-In Fly-Out: The Challenges of Transient Populations in Rural Landscapes. In G.W. Luck, D. Race, R. Black (Eds.), *Demographic Change in Australia's Rural Landscapes: Implications for Society and the Environment* (pp. 353–374). Dordrecht: Springer Dordrecht.
<https://doi.org/10.1007/978-90-481-9654-8>
- McKenzie F., McKenzie F. H., Hoath A. (2014). Fly-In/Fly-Out, Flexibility and the Future: Does Becoming a Regional FIFO Source Community Present Opportunity or Burden? *Geographical Research*, 52(4), 430–441.
<https://doi.org/10.1111/1745-5871.12080>
- Moret J. (2020). Mobility capital: Somali migrants' trajectories of (im) mobilities and the negotiation of social inequalities across borders. *Geoforum*, 116, 235–242.
<https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2017.12.002>
- Morrison P.A. (1971). Chronic movers and the future redistribution of population: A longitudinal analysis. *Demography*, 8 (2), 171–184.
- Nowotny K. (2014). Cross-border commuting and migration intentions: the roles of risk aversion and time preference. *Contemporary Economics*, 8(2), 137–156.
<https://doi.org/10.5709/ce.1897-9254.137>
- Shuai X. (2012). Does commuting lead to migration? *The Journal of Regional Analysis & Policy*, 42(3), 237–250.
http://www.jrap-journal.org/pastvolumes/2010/v42/v42_n3_a6_shuai.pdf

Приложение

Таблица П1. Число наблюдений и пропущенных по переменным

	Число ответивших	Число пропущенных	Процент пропущенных
Возраст	8224	8	0,1
Родился здесь	8232	0	0,0
Переезд за последние 10 лет	8224	8	0,1
Занятость	8097	135	1,6
Миграционные намерения	8050	182	2,2
Брачный статус	7386	846	10,3
Высшее образование	7408	824	10,0
Пол	8211	21	0,3
Направления мобильности	8232	0	0,0
Вахта родственников	7995	237	2,9

**Таблица П2. Предельные эффекты логистической регрессии
(зависимая переменная — миграционные намерения)**

Модель 1	Референтная группа — немигранты	
	Внутрирегиональный мигрант	-0,017 (0,015)
	Мигрант из других регионов	-0,005 (0,015)
	Международный мигрант	-0,016 (0,021)
Модель 2	Референтная группа — немигранты	
	Возвратный мигрант	0,115*** (0,02)
	Давний мигрант	0,025* (0,013)
	Недавний мигрант	-0 (0,017)
Модель 3	Референтная группа — никуда не ездит	
	Ездит внутри региона	0,015 (0,017)
	Ездит в другие регионы	0,107*** (0,021)
	Ездит внутри региона и в другие	0,067*** (0,018)
	Ездит к родственникам внутри региона (реф. — не ездит)	0,06*** (0,015)
	Ездит к родственникам в другие регионы (реф. — не ездит)	-0,028 (0,018)
	Ездит отдыхать в другие регионы (реф. — не ездит)	-0,041** (0,02)
Модель 4	Референтная группа — никто не ездит на вахту	
	Собственный опыт вахты	0,033 (0,026)
	Опыт вахты супруга (партнёра)	0,052* (0,026)
Модель 5	Референтная группа — никто не ездит на вахту	
	Собственный опыт вахты	0,037 (0,026)
	Опыт вахты супруга (партнёра)	0,057** (0,026)
	Опыт вахты детей	-0,002 (0,03)
	Опыт вахты родителей	0,092*** (0,027)
	Опыт вахты прочих членов семьи	0,047** (0,023)
Модель 6	Референтная группа — другие регионы	
	Внутрирегиональная вахта	0,052 (0,068)
	Север	0,027 (0,062)
	Столицы	0,088 (0,078)
	Соседние регионы	0,014 (0,076)
	Несколько направлений	0,17** (0,086)
Итоговая модель	Референтная группа — немигранты	
	Возвратный мигрант	0,11*** (0,02)
	Давний мигрант	0,023* (0,013)
	Недавний мигрант	-0,006 (0,017)
	Референтная группа — никуда не ездит	
	Ездит внутри региона	0,03* (0,017)
	Ездит в другие регионы	0,093*** (0,021)
	Ездит внутри региона и в другие	0,057*** (0,017)
	Референтная группа — никто не ездит на вахту	
	Партнёр/я ездит на вахту	0,042** (0,019)

Примечание: Представлены средние предельные эффекты (AME).

Стандартные ошибки в скобках.

** $p < 0,10$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$.*

Источник: Данные опроса.

Таблица П3. Анкета: блок вопросов про пространственную мобильность

Как часто Вы выезжаете из своего населенного пункта?

(отметьте один вариант в каждом разделе)

	Каждый день	Каждую неделю	1-2 раза в месяц	1 раз в несколько месяцев	1 раз в год	Реже 1 раза в год	Никогда	Цель (код)
1. В соседние СНП								
2. В райцентр (только для сел)								
3. В другие города региона 1								
4. В другие города 2								
другой город 3								
другой город 4								
другой город 4								
другой город 5								
5. В Москву								
6. В другие регионы России (укажите какие и город)								
Регион 2								
Регион 3								

Кодировка цели:

1. На работу
 2. В деловую поездку, командировку
 3. На учебу
 4. За покупками
 5. На отдых
 6. К родным, друзьям, в гости
 7. Для медицинского обслуживания
 8. Другое _____
 9. Затрудняюсь ответить
- Для других регионов тоже указывать город

Источник: Опрос.